

Запрос на новую идеологию и неспособность власти к ее генерированию

К началу двадцатого века перед Россией встал вызов осуществления модернизации. Нужно было, соответственно, ее идеологическое обоснование. Прежняя идеология христианского имперостроительства в новых реалиях уже не работала. Требовалась ее модификация, соединение религиозных ценностей с ценностями развития. Выдвинуть нечто подобное элита Российской империи не смогла. Не была даже сформулирована задача такого рода. В итоге новая идеология оказалась выдвинута уже большевиками. Но этот идеологический переход был инициирован не сверху, а снизу, сопровождался уничтожением прежнего государства, прохождением через кровавый коридор гражданской войны.

Между тем в Российской империи периода николаевского правления много говорили о патриотизме, организовывали масштабные празднества, связанные с историческими юбилеями. Без наличия отвечающим запросам времени системной

⁴⁷ Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. С. 82–83.

идеологии все это оказалось тщетным. Миллионы дезертиров периода Первой мировой войны подвели итог провала николаевской пропагандистской кампании. Об этом провале свидетельствовал Иван Бунин: «Страшно равнодушны были к народу во время войны, преступно ввали об его патриотическом подъеме, даже тогда, когда уже и младенец не мог не видеть, что народу война осточертела»⁴⁸.

Без новой модернизационной идеологии царская Россия не смогла выдвинуть и новой аккумулирующей национальные окраины системы национальной идентичности. Данные по числу новобранцев показывают устойчивое сокращение православной и русской (с включением украинцев и белорусов) компоненты (рис. 1.5)⁴⁹. Сказать, что православные русские были единственным государственно-тягловым народом, было уже более невозможно. Следовательно, нужна была новая надэтническая и надконфессиональная идеология. Прежняя общерусская идея идентичности давала к тому же сбой ввиду одновременной трактовки русскости в прежнем наднациональном и новом, формируемом под влиянием европейского национализма национальном значении. Нужно было сделать выбор между концептами государства-цивилизации и государства-нации. Этот выбор, равно как и другие выборы определения пути развития России, сделан не был. В результате — рост напряженности в отношениях русского большинства и национальных меньшинств, внутренний распад русского народа, с отпадением от него украинцев и белорусов, межэтнические столкновения, погромы.

Состояние цивилизационного кризиса в поздней Российской империи иллюстрирует отношение к «армянскому вопросу». Армяне, казалось бы, выступали традиционно в качестве форпоста России на Кавказе. Они поддерживали Российскую империю в региональных войнах с Османской и Персидской империями.

Ухудшение позиции российского государства в отношении к армянам приходится уже на начало правления Александра III. Через год после вступления на престол император дает указание

⁴⁸ Бунин И. А. Окаянные дни // URL: http://pikabu.ru/story/otryivok_iz_bunina_okayannnye_dni_pisalos_ot_19_aprelya_1919_goda_stolko_vremeni_proshlo_a_nichego_ne_izmenilos_301497

⁴⁹ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. С. 457–459.

новому министру внутренних дел Д. А. Толстому предпринять действия против армянского национализма. Принятые меры касались, в частности, закрытия части армянских школ. Российская империя не нашла возможным выступить против Османской империи во время «хамидийской резни» армян в Османской империи в 1894–1896 гг. Занимавшему в тот период времени пост министра иностранных дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому приписывались слова — «нам нужна Армения без армян». На период с 1895 по 1905 год приходится нахождение в должности наместника Кавказа князя Г. С. Голицына, единственного из череды российских наместников, занимавшего антиармянскую позицию, близкую даже к армянофобии. В публицистике того времени армянофобскую позицию с использованием расистских доводов занимали В. Л. Величко, А. С. Суворин, И. Г. Чавчавадзе. Величко писал, что неблагонадежность армян определяется расовым инстинктом ненависти к любой государственности⁵⁰. Конфликт с российскими властями приобрел наибольшую остроту в 1903 году в связи с реализацией императорского указа о конфискации имущества армянской церкви⁵¹.

Режим не смог идеологически самоопределиться. Выбор между европеизационными и неославянофильскими установками так и не был совершен. В результате не только западники, но и сторонники православной монархии относились к Николаю II резко критично. Обратимся к оценкам ведущего теоретика российского монархизма начала XX века Льва Тихомирова: «Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего, и, конечно, даже не понимал этого, так значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционно-го, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого, прекраснотушного типа, абсолютно не понимающего законов

⁵⁰ Величко В. Л. Полн. собр. публиц. соч. В 2 т. Т. 1; Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб.: Типография Артели Печатного Дела, 1904; Т. 2: Русские речи. СПб.: Типография Артели Печатного Дела, 1905.

⁵¹ Ковалевский М. М. Армянский вопрос // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 256–274.

жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская правдоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого “просвещения” с полным незнанием, что такое просвещение. И вот началась за чепухой чепуха, началось все распадаться то внутри, то извне...»⁵²

Казалось бы, царь лично тяготел к православной традиции. Одно время его даже посещала мысль оставить царский престол и стать патриархом. Но православие Николая II не имело глубоких мировоззренческих оснований. Его религиозность являлась в большей степени склонностью к суевериям. Этим объясняется влияние на царя западных эзотериков типа Филиппа Вашода и Папюса. Плохо увязывается с образом православного святого факт посвящения Николая II Папюсом в члены Ордена мартинистов. А без православной теологии сама идея самодержавной власти, как помазанничества Божьего, лишалась смысла.

Создаваемый сегодня в отношении Николая II образ православного государя мало соответствует действительности. Увлечение императора оккультизмом говорит о том, что воззрения его были достаточно далеки от ортодоксального православия. Отношение между ним и церковными иерархами были достаточно напряженными и противоречивыми. Царский указ об «укреплении основ веротерпимости» был воспринят в церковной среде крайне враждебно. С резким осуждением его выступил, в частности, св. Иоанн Кронштадтский. Лейтмотивом оценок царского указа были слова сенатора А. Н. Нарышкина: «Он предал православие»⁵³. Нелюбимая в народе царица Александра Федоровна, по-видимому, оказывала влияние на супруга не только в вопросах двора и политики, но и в мировоззренческом плане. А воззрения императрицы на православный клир являлись типичным взглядом лютеранки: «Духовенство не только не понимает церковно-государственных задач, но не понимает даже веры народной, не знает народных нужд и потребностей... Особенно архиереи... Служители Церкви... не умеют привязывать к себе ни интеллигенцию, ни простой народ»⁵⁴. Итак, для оппозиции Николай II был однозначно

⁵² Острецов В. М. Массонство, культура и русская история. М.: Издательское общество ООО «Штрихтон», 1998. С. 407–408.

⁵³ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М.: Наше Наследие, 1996. С. 239.

⁵⁴ Жевахов Н. Д. Воспоминания. М.: Родник, 1993. Кн. 1. С. 71–73.

враг. Но и для консервативных сил он не являлся своим. Судьба его, по сути, была уже предрешена в 1905 г.

Развиваемая при Александре III идея русской национальной модернизации стала при последующем царствовании пробуксовывать. Эта пробуксовка была связана с отсутствием государственной воли для осуществления движения по намеченному пути. Главная, стоящая на повестке дня задача заключалась в синтезе модернизационных потенциалов развития с традиционными для России ценностями и институтами жизнеобеспечения. Именно такого соединения достичь не удалось. Намеченная при Александре III тенденция синтеза оказалась прервана. Во вторую половину 1890-х гг. страна по инерции прошлого царствования еще казалась достаточно успешной. К революции 1905 г. разбалансировка России между полюсами традиционализма и модернизма достигает критической точки. Далее из состояния кризиса Российская империя так и не вышла. Для этого выхода требовался соответствующий масштаб государственного разума и государственной воли. Ни того, ни другого у Николая не было.

«Либеральствующий интеллигент на престоле», — так оценивали Николая II консерваторы. Для них он «своим», лидером монархической партии не являлся. Обвинения в его адрес состояли не столько в том, что он не имел волевого характера или устранился от ведения государственных дел в пользу семейного очага. Его обвиняли за курс либерализации, извращении самого смысла самодержавной власти в России. История падения николаевского режима поучительна для современной российской власти — нельзя сидеть на двух стульях одновременно. Нельзя быть одновременно и либералом, и сторонником российского великодержавия. Сидение на двух стульях угрожает перспективой провалиться между ними, оказаться без какой-либо опоры. Так, всеми оставленный и преданный, был свергнут с престола в феврале 1917 года Николай II.